

УДК 070 (091)
DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-16-27

Северокавказская региональная пресса как фактор большевистского тоталитарного режима

Турпалов Л.А.

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. Ибрагимова Российской академии наук
Россия, 364051, г. Грозный, Старопромысловское шоссе, д. 21а
E-mail: kniiran@mail.ru

Аннотация. Утверждение Советской власти на Северном Кавказе было во многом обусловлено поддержкой национальных движений. Журналистика использовалась властью в качестве инструмента социально-политического управления обществом и средством формирования авторитарно-тоталитарного мышления. В советской исторической науке сложилась концепция, которая утверждала, что большевистская авторитарная система с присущей ей практикой массовых репрессий и ограничений свободы слова сложилась в 1930-х годах в процессе укрепления сталинского режима под лозунгом обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Немало сторонников данной концепции в России и сегодня. Отдельными политиками и учеными все еще предпринимаются попытки реабилитации коммунистической теории под знаменем ленинизма, не связывая ее со сталинским «кровавым террором». До сих пор не дана объективная оценка роли местных СМИ в идеологическом обеспечении массовых репрессий на Северном Кавказе. Автором предпринята попытка пересмотреть некоторые утверждения и тезисы исследований, выполненных в эпоху коммунистического авторитаризма, что позволяет продемонстрировать несостоятельность мифа о массовой поддержке в крае идеологических установок большевистской партократии.

Ключевые слова: история северокавказской журналистики, пресса большевистского тоталитаризма.

Для цитирования: Турпалов Л.А. 2021. Северокавказская региональная пресса как фактор большевистского тоталитарного режима. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (1): 16–27. DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-16-27

North Caucasian regional press as an actor of the Bolshevik totalitarian regime

Lema A. Turpalov

Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences (CIRAS)
21a Staropromyslovskoe highway, Grozny, 364051, Russian Federation
E-mail: kniiran@mail.ru

Abstract. The establishment of Soviet power in the North Caucasus was largely due to the support of national movements. Journalism was used by the authorities as an instrument of socio-political management of society and as a means of shaping authoritarian-totalitarian thinking. Soviet historical science developed a concept which argued that the Bolshevik authoritarian system, with its characteristic practice of mass repression and restrictions of freedom of speech, emerged in the 1930s in the process of consolidation of the Stalinist regime under the slogan of "intensifying the class struggle as one moves toward socialism". There are still many proponents of this concept in Russia today. Some politicians and scholars are still trying to rehabilitate communist theory under the banner of Leninism, without connecting it to Stalin's "bloody terror. An objective assessment of the role of local media in the ideological support of mass repressions in the North Caucasus has not yet been given. The author has made an attempt to revise some of the assertions and theses of studies carried out in the era of communist authoritarianism, which allows us to demonstrate the invalidity of the myth

of mass support in the region for the ideological guidelines of the Bolshevik partyocracy. The work aims to identify the main trends in the transformation of the system of journalism of the peoples of the Northern Caucasus into a mouthpiece of Bolshevik power, to show the place of the press in the ideological context of Soviet totalitarianism. The article is a continuation of the author's works, devoted to the formation of the periodical press in the North Caucasus during the years of socialist modernization in 1917–1930. The methodology of the study is based on the principle of historicism, which reveals the interconnection and interdependence of social processes and the functioning of the press in specific historical conditions, as well as content analysis of periodicals.

Keywords: history of North Caucasian journalism, press of Bolshevik totalitarianism.

For citation: Turpalov L.A., 2021. North Caucasian regional press as an actor of the Bolshevik totalitarian regime. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (1): 16–27 (in Russian). DOI 10.18413/2712-7451-2021-40-1-16-27

Введение

Система журналистики большевистского авторитарного режима в 1917–1938 годы складывалась под воздействием многочисленных, порой противоречивых как объективных, так и субъективных факторов. Одним из таких факторов является использование СМИ в решении идеологических, политических и социальных задач, поставленных правящей партией в контексте зарождения и функционирования государства тоталитарного типа. Эти процессы в национальных автономиях, которые отставали от центральных областей советского государства во всех отношениях, а особенно по уровню образованности, имели свои особенности. Как утверждают Е.В. Ахмадулин и А.И. Станько, «исследование одного из звеньев общей цепи местной печати России имеет историко-теоретическое и методологическое значение» для выявления тенденций развития всей отечественной журналистики [Ахмадулин, Станько. 2014, с. 7]. Между тем этот аспект деятельности большевистской партии по контролю над прессой Северного Кавказа все еще остается малоисследованным и не получил соответствующей оценки, что способствует, с одной стороны, искажению картины, характерной для журналистики края первых десятилетий социалистического строительства, с другой, появлению в литературе противоречащих друг другу утверждений. Это присуще даже исследованиям, выполненным в постсоветское время. Так, в работах, посвященных становлению прессы северокавказских регионов [Хуако, 1991; Ахмедов, Камалов, 2006; Гусейнова, 2000; Амерханова, 2013], содержатся тезисы о ведущей роли местной печати в успешном осуществлении коллективизации, в разоблачении так называемых «врагов народа». В исследованиях других северокавказских ученых [Магулаевой, 2010; Каражаевой, 2003; Текеевой, 2003] обозначены противоположные подходы о негативной роли журналистики в ходе репрессий 1920–1930-х годов. Однако все-сторонне эта тема не разработана.

Не стали объектом исследования вопросы, касающиеся провокационной деятельности органов печати по созданию атмосферы подозрительности в обществе, практика организации писем-доносов от имени рабочих и сельских корреспондентов, активистов местных советских учреждений, присуждения «ишачьих премий», «орденов буйвола» и т. д. Поэтому все еще актуальна задача переосмысления и дополнения научных представлений об истории краевой журналистики. Исследование механизмов использования СМИ как дубинки против оппозиции в советский период очень важно в современных условиях, чтобы избежать возвращения к авторитаризму [Турпалов, 2015, с. 150]. Между тем тенденции такой трансформации заметны в сегодняшних СМИ. По крайней мере, на северном Кавказе в последнее время резко усилилась вмешательство властей в сферу журналистики.

Автором поставлена цель выявить основные тенденции трансформации системы журналистики народностей Северного Кавказа в рупор большевистской власти, показать место прессы в идеологическом контексте советского тоталитаризма.

Статья является продолжением работ автора, посвященных вопросам становления системы периодической печати на Северном Кавказе в годы социалистической модернизации в 1917–1930-е годы [Турпалов, 2015, 2020].

Впервые в статье введены в научный оборот воспоминания одного из участников описываемых событий, известного западного критика теории и практики большевизма Абдурахмана Авторханов, выходца с Северного Кавказа.

Методология исследования основана на принципе историзма, который позволяет выявить взаимосвязанность и взаимозависимость социальных процессов и функционирования прессы в конкретных исторических условиях, а также контент-анализе периодических изданий.

Зарождение тоталитарной модели прессы в автономиях Северного Кавказа

Монополию на средства массовой информации и пропаганды большевистская партия ввела сразу после октябрьского (1917) переворота. Основа для системы однопартийной журналистики была заложена уже в первые дни революции. Известный западный советолог А. Авторханов утверждает, что «полоса духовных и физических репрессий в стране <...> началась на второй же день после победы революции – надо было очистить почву для победы социализма в стране в "фантастический короткий срок" – в шесть месяцев!» [Авторханов, 1990, с. 320]. «Прежде всего Ленин, как предпосылку к уничтожению "врагов народа" <...>, – пишет он, – создал два важнейших механизма диктатуры: цензуру для уничтожения свободы слова и политическую полицию с чрезвычайными правами для уничтожения "врагов народа" без суда и следствия. <...> Она была создана, когда не было ни "белого террора", ни гражданской войны – через месяц и 20 дней после прихода к власти, а именно 7(20) декабря 1917 года» [Авторханов, 1990, с. 320].

Сегодня нельзя обойти вопросы участия СМИ в укреплении сталинского тоталитарного режима. Как утверждает историк журналистики Р.П. Овсепян, «советская журналистика всей своей деятельностью способствовала созданию культа личности Сталина. ...Пресса стала трибуной идейно-теоретического обоснования сталинизма» [Овсепян, 1999, с. 110].

Большевистская партократия, отмечает исследователь К.С. Гаджиев, в своем стремлении подавить всякое инакомыслие, монополизировать общественное мнение и установить вездесущий контроль над всеми сферами жизни общества использовала различные пропагандистские кампании по разоблачению мнимых «врагов народа», по идеологическому обеспечению массового террора против граждан, развернутого в 1920–1930-е годы [Гаджиев, 1993, с. 169].

Особенно негативно отразились репрессии на духовную сферу малых народов. Немногочисленная прослойка национальной интеллигенции, которая только начала складываться, была практически уничтожена. «Большой урон для литературы был нанесен политическими репрессиями 1930-х годов, – отмечает историк прессы Карачаево-Черкессии Э. Н. Урусова. – В сталинских тюрьмах и лагерях погибли молодой и талантливый поэт Азрет Уртенев, публицист и литературовед Ислам Хубиев (Карачайлы), ученый и государственный деятель Умар Алиев, деятели культуры, представители интеллигенции Саид Халимов, Курман Курджиев, писатели Хасан Аппаев и многие др. [Урусова, 2006, с. 81]. Характеризуя последствия этой политики большевистской партии для развития местной журналистики, исследователь З.Ю. Хуако пишет: «С конца 20-х годов, когда в идеологии и на практике взяли верх властно-административные методы управления, пресса становится средством агитационно-пропагандистского обеспечения курса на жесткую систему

централизации и командования. Тенденция к жесткой централизации власти, когда приоритет отдавался принуждению и насилию по отношению к личности, породила социально-политические деформации, которые своим деструктивным воздействием не обошли и печать. Это отразилось, прежде всего, на формировании системы печати национальных образований, когда из центра диктовалось, какое издание, какую сеть газет и журналов иметь в той или иной автономной республике и области» [Хуако, 1991, с. 244]. Вообще заслуги прессы и журналистов в становлении и «обслуживании» тоталитарных режимов, по мнению Т.М. Горяевой, не только значительны, но и определяющи. Подмена нравственных основ в понимании сущности профессиональной этики журналистов принципами «партийности печати и литературы» обусловила функции и характер советских СМИ [Горяева, 2009, с. 9].

Заявленный большевистской партией в качестве основного курса на победу коммунизма в мировом масштабе не воплотился в конкретный план преобразований в России после установления диктатуры пролетариата. Бессистемные реформы, «поспешная и непродуманная национализация собственности, запрет свободной торговли, сокращение денежного обращения, внедрение практики временного выборного коллективного управления производственной сферой имели для народного хозяйства страны негативные последствия» [Анфертьев, 2019, с. 8]. Ужесточение внутренней репрессивной политики на практике преследовало цель массовой мобилизации населения на реализацию идеи мировой пролетарской революции. Неразработанный в теоретическом и практическом отношении проект переустройства мира на новых идеологических основаниях, тем более с опорой на единственную и немногочисленную социальную группу – большевистскую часть РСДРП, не мог иметь перспективу.

Волонтаристские шаги партии перманентно порождали кризисные ситуации. Однако, чтобы скрыть свою неумелую политику, большевистское руководство страны перекладывало ответственность на мифических «врагов народа». А чтобы население не сомневалось в их реальности, регулярно проводились «чистки» на всех уровнях, даже среди соратников по революционному прошлому. Чаще всего жертвами репрессий становились представители образованной прослойки общества и руководящие кадры, так как выдвигать обвинения в идеологическом перерождении или «шпионаже в пользу империалистических государств» против малограмотных или неграмотных рабочих и крестьян было абсурдно даже в условиях тоталитаризма. С другой стороны, с целью закрепить и упрочить правящее положение в партии, ее лидеры и ближайшее окружение применяли превентивное удаление из нижестоящих эшелонов властной партийной вертикали возможных соперников. Замена репрессированных кадров велась не с учетом деловых качеств кандидатов, наличия образования. В приоритете были такие критерии, как управляемость, демонстрация идеологической приверженности, участие в пропагандистских кампаниях.

Как отмечает эксперт Независимого Института Коммуникативистики А. Цуладзе, при коммунистическом режиме «СМИ отводится роль приводного ремня государственного аппарата. Задача СМИ – создавать ту "картину мира", которая выгодна аппарату, а не обществу» [Цуладзе, 2004, с. 3]. И в соответствии с этой моделью проблема взаимодействия государства и СМИ решалась жесткой системой запретов, четкими правилами «политкорректности», которым должны были следовать все журналисты.

Пресса как карательное средство во внутрипартийной борьбе большевистских вождей

Партийно-советские СМИ, принадлежавшие монополю одной партии, а на практике – узкой партийной верхушке, которая занимала руководящую роль как в государстве, так и в обществе, выступали не только как рупор коммунистической идеологии, но и как инструмент публичной порки малейшего поползновения к оппозиции.

С целью манипулирования массовым сознанием в прессе в 1920-е и особенно в 1930-е годы была развернута беспрецедентная идеологическая кампания. Как правило, травля очередной группировки, обвиненной в мелкобуржуазности или причастности к шпионской, диверсионной деятельности, начиналась в ведущих центральных газетах. Затем, как метастазы, разоблачительные публикации расплозились по всем местным изданиям. Известно, что из центра рассылались разнарядки, сколько человек должны быть репрессированы на местах. Конечно, печать Северного Кавказа, как и вся партийно-советская журналистика, тоже помогала карательным органам выполнять этот большевистский заказ. Как утверждает Х.А. Текеева, «национальная пресса в силу своей принадлежности партийным комитетам не смогла избежать рокового участия в репрессивной машине сталинской эпохи. Будучи органами партийных комитетов, периодические издания национальных регионов участвовали во всех политических кампаниях, которые приносили и позитивные, и негативные, с точки зрения истории, результаты» [Текеева, 2003, с. 98]. Так, непосредственным толчком к началу чисток в Карачаево-Черкессии послужила опубликованная 15 сентября 1928 года в «Правде» статья «Карачаевский заповедник», после обсуждения которой V пленум областного комитета ВКП(б) и областной контрольной комиссии констатировал «засоренность советского аппарата чуждыми людьми» и призвал к «решительной чистке советского и кооперативного аппарата от антисоветских и контрреволюционных элементов» [Бекижев, 1978, с. 141]. 25 ноября 1928 г. в областной газете был помещен «План областной комиссии по чистке советско-кооперативных и других общественных учреждений КАО», где особо отмечалось, что «комиссия гарантирует подавшим заявление на лиц, подлежащих чистке, сохранение фамилий и местожительства в тайне»¹. А в руководящей статье следующего номера редакция призывала «все трудящиеся массы Карачая» проявить «всю свою инициативу в помощи комиссии по выявлению враждебных нам элементов»².

Демонстрируя готовность выполнять директивы партийных комитетов, редакции областных газет открывали специальные рубрики для разоблачения «чуждых, примазавшихся, перерожденцев»: «Чистка в Карачае», «Время чистки в партии и комсомоле», «Дурную траву с поля вон», «Листок Рабоче-Крестьянской Инспекции» [Магулаева, 2010, с. 88]. Поскольку внутривластные чистки следовали в стране одна за другой, в прессе с окончанием одной кампании вскоре открывалась следующая. Так, газета «Таулу джашау» 2 декабря 1928 г. констатировала: «Чистка в Карачае началась»; несколько месяцев спустя сообщала: «Надо подготовиться к чистке партии»; 3 декабря 1929 г.: «Чистка закончилась», а 11 ноября 1930 г. снова призывала: «Подготовимся к чистке антисоветских элементов в партаппарате».

В период проведения коллективизации местные партийные и советские органы при поддержке своих печатных изданий не только стремились выполнить разнарядку на раскулачивание, но и стали широко применять перевод середняков в разряд кулаков, чтобы перевыполнить спущенный сверху план. В национальных республиках и областях Северного Кавказа, как, впрочем, во всех национальных регионах, эта деятельность проводилась под лозунгом борьбы с якобы национализмом в унижительной для народностей форме бичевания народных традиций и обычаев, религиозности населения. Повсеместное распространение получило «перекрытие норм», «контрольных цифр», «заданий» по раскулачиванию. В газетах появлялись заметки и корреспонденции, рассказывавшие о том, кого и где раскулачивали, как передавали их дома и имущество беднякам. Нередко в печати публиковались письма селькоров, в которых назывались фамилии тех, кто, по мнению авторов, был кулаком или «подкулачником». Такие газетные материалы являлись основанием для последующих репрессий и высылки. Главный большевистский орган «Правда» так оценил в статье

¹ Таулу джашау. – 1928. – № 190.

² Таулу джашау. – 1928. – № 191.

под названием «Сделать все выводы из процесса» деятельность печатных изданий в организации травли так называемых уклонистов, которые сами и не ведали, что таковыми являются: «...Велика и роль печати в ликвидации последствий вредительства... Она вела и разоблачительную работу, вскрывая безобразия, но, очевидно, далеко недостаточно»¹. В советской периодике стало характерным приклеивание ярлыков к так называемым «правым» или «левым» уклонистам [Волкова, 2013, с. 39]. Пример подавали вожди партии. Все неудачи советской власти они связывали с этими мифическими «врагами народа». Их называли «лакеями» кулачества². Для их характеристики в публикациях выстраивались сложные словесные конструкции, суть которых читателю невозможно было понять.

Новый виток разоблачений «контрреволюционеров» по всей стране начался после февральского (1937) пленума ЦК ВКП (б), на котором выступил И. Сталин с критикой в адрес местных руководителей за недостаточно последовательную борьбу с «врагами народа». В «Правде» 26 января 1937 года была опубликована статья «Троцкистская шайка реставраторов капитализма» по итогам судебной расправы над так называемым блоком правых уклонистов. И уже 27 января появилась ее перепечатка в органе Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) «Грозненский рабочий». В том же номере под рубрикой «Суровая рука закона сметет с лица земли троцкистскую нечисть» были опубликованы письма трудящихся, в которых осуждались известные деятели государства, якобы готовившие переворот в стране. Только непонятно, как успели читатели прислать отклики на публикацию в тот же день. Ведь номер за 27 января сдавался в печать 26-го. Заголовки «писем» читателей говорят сами за себя: «Лютые враги партии Ленина-Сталина, фашистские выродки-троцкисты ставили целью насильственное свержение советской власти, чтобы лишить нас величайших завоеваний». Подобные подборки печатались в каждом номере несколько недель. Это было характерно для всей местной партийно-советской прессы. Также под рубрикой «Письма» в «Пролетарии Осетии» уже 27 января опубликованы отклики читателей с заголовками «Выкорчевать до конца последышей Троцкого – презренных предателей родины», «Мерзавцам – высшую меру наказания».

Подобная пропаганда шла повсеместно. Так, состоявшаяся 26 мая – 3 июня 1937 года XIV конференция Дагестанской областной партийной организации, прошла под флагом усиления борьбы с «буржуазными националистами». К их числу были отнесены даже старые большевики, которые фактически устанавливали Советскую власть в республике. Среди них председатель Совнаркома ДАССР К. Мамедбеков и председатель Дагестанского ЦИКа М. Далгат. Вина первого заключалась, по утверждениям выступавших, в том, что он на заседании бюро обкома «не очень твердо голосовал за исключение из партии» Б. Астамирова, обвиненного в принадлежности к троцкистской оппозиции, а второго обвинили за то, что не выступил против своего брата [Какагасанов и др., 1997, с. 16].

Травля видных руководителей республики, которые якобы проявляют нерешительность в борьбе с «врагами народа», развернулась на страницах местной прессы. Газеты выходили под аншлагами «До конца разоблачить и разгромить буржуазных националистов», «Вредителей в сельском хозяйстве – к суровой ответственности», «Отребье буржуазно-националистической нечисти в Каякентском районе», «Когда будет уничтожен классовый враг».

В «Дагестанской правде» 12 сентября появилась статья без подписи «Выкорчевать и разгромить до конца буржуазных националистов», которая содержала бездоказательные обвинения в адрес заслуженных общественных деятелей, по сути дела, призывала расправиться с ними.

Публикации республиканской печати на эту тему получили поддержку центральных изданий. В «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде» в сентябре одна за дру-

¹ Правда, 1937, 2 февраля.

² Коганович Л. 1932. Задачи украинских большевиков в работе на селе. Партийное строительство, 14, С. 3.

гой появились статьи, о направленности которых можно судить только по названиям: «Политические слепцы в Дагестанском обкоме», «Буржуазные националисты орудуют в Дагестане», «Гнилая позиция Дагестанского обкома», которые недвусмысленно призывали к карательным мерам против руководства республики. Явно провокационную роль сыграла последняя публикация в руководящем органе ЦК ВКП (б) специального корреспондента «Правды» М. Мзенина. Статья была направлена непосредственно против республиканского руководства и содержала огульные обвинения. «Буржуазные националисты вкупе с троцкистами, шпионами и диверсантами – Коркмасов, Шовринский, Астемиров, «литератор» Лелевич – пробрались в руководящие советские и партийные органы, – клеймит автор известных местных деятелей. – В течение ряда лет они предавали народы многонациональной республики, хотели вернуть власть князьям, помещикам и духовенству... Председатель Дагестанского ЦИК и член бюро обкома Магомед Далгат – близкий друг разоблаченных врагов Габиева, Ковалева, Коркмасова – всегда считал этих презренных выродков своими «идейными» руководителями. <...> Не менее ясна антипартийная физиономия председателя Совнаркома Дагестана... Керима Мамедбекова. <...> Отлично понимая исключительную роль печати в Дагестане, буржуазные националисты усиленно засоряли аппарат издательств и редакций крупных республиканских газет — на русском, аварском и кумыкском языках темными элементами, бывшими белыми офицерами, кулацкими и поповскими сынками... Секретарь обкома тов. Самурский располагает всеми материалами о действиях буржуазных националистов. Но он, странно, непонятно, бездействует, – и заканчивает призывом. – До каких пор будет терпеть Дагестанская партийная организация такое положение»¹. Одной публикацией было обвинено практически все руководство Дагестана. И не одного конкретного факта. Уже 26 сентября, через день после появления публикации в «Правде» (номер еще не успел поступить в продажу подписчикам в Дагестане), бюро обкома партии исключило из рядов ВКП (б) М. Далгата и К. Мамедбекова. В тот же день оба они были арестованы органами НКВД. Обсуждение статьи в партийных организациях республики продолжалось в течение трех месяцев. В итоге этой кампании к концу 1937 года были исключены из партии, сняты с работы и репрессированы 330 человек. Даже через год все еще слышались ее отголоски. На XIV конференции Дагестанской областной партийной организации в июне 1938 году первый секретарь обкома М. Сорокин сообщал, что после выхода статьи М. Мзенина в обком поступило более 1500 заявлений на 400 партийно-советских работников республиканского и районного звена, руководителей предприятий и организаций с сигналами о их политической неблагонадежности и большинство – по его словам – подтвердилось [Какагасанов и др., 1997, сс. 22, 28, 32]. Авторханов отметил, что «при Ленине чекистская машина была инструментом партии, а при Сталине сама партия превратилась в инструмент чекистской машины» [Авторханов, 1990, с. 321].

Трасформация в рупор сталинского режима

Пресса использовалась, как цепная собака, для организации травли надуманных «врагов народа», как выражались большевистские лидеры, там, где, по их мнению, была ослаблена «большевистская бдительность». Редакция постоянно напоминали в директивной форме, чтобы в публикациях разоблачались попытки проникновения в журналистику «врагов народа», их стремление захватить в свои руки газеты, «притупить такое острое орудие борьбы, как печать, обратив его против партии», «пролезть в аппарат газет, журналов и издательств». Журналисты вынуждены были заниматься не столько информационной деятельностью, сколько пропагандой, чаще всего, искажая действительность по указке партийных комитетов. Чтобы выполнить поставленные перед ними задачи, прихо-

¹ Дагестанская правда, 1937, 25 сентября

дилось использовать глобальную и своего рода системную ложь, которую А.В. Видяева назвала «черной» пропагандой» [Видяева, 2014, сс. 25, 27]. Информация становится дезинформацией во всех случаях, «когда надо скрыть имеющуюся действительность и когда надо построить «новую» – отмечает К. В. Бахнян [1983, с. 49]. Применительно к советской действительности такая ситуация была повсеместной. И везде редакции использовали различные способы искажения действительности. Как пишет Н.А. Купнина, в результате тотальной идеологизации общества «появляется огромное количество людей, слушающих, не слыша и говорящих, не думая», а тоталитарное общество в целом становится обществом двоедушия» [Купина, 1995, с. 3].

Разгром так называемых оппозиционных блоков открыл путь к окончательному утверждению административно-командного государства в стране. Тоталитаризм утвердился как форма государственного управления, впервые так четко проявивший себя в период раскулачивания. Миллионы людей стали узниками ГУЛАГа, дармовой силой в осуществлении планов индустриализации, в выполнении заданий первых пятилеток.

В деятельности прессы конца 1920-х и в 1930-е годы было немало трудностей и ошибок. Особенно это касалось местных изданий, которые по многим причинам, и в первую очередь из-за того, что местная партийная бюрократия была намного менее образованная, чем в столицах, и, соответственно, больше занималась демагогией и страховалась от обвинений в уклоне от генеральной линии партии. «Пресса Северного Кавказа в силу своего положения в обществе всегда считалась рупором новой власти и выполняла ее политический заказ осознанно, – указывает на эту особенность Х.А. Текеева. – Нельзя полагать, что она была вне этого и не имела никого отношения к формированию и укреплению репрессивной машины в лице государственных и местных институтов управления обществом» [Текеева, 2003, с. 100]. Это было характерно для всей краевой печати. «Лакская пресса внесла... свою незавидную лепту в претворении в жизнь ошибочных решений властей в общественно-политическом, хозяйственном и культурном строительстве в Дагестане, – подчеркивает М.Ш. Гусейнова. – И это объяснимо, поскольку она являлась "проводником линии партии", и о ее "оппозиционности" к режиму не могло быть и речи» [Гусейнова, 2000, с. 175].

Большевистские лидеры как в центре, так и на местах стремились скрывать собственные ошибки, перекалывая вину на конкретных исполнителей среднего и низшего звена руководящего состава, отмечает И.А. Анфертьев. В качестве идеологической маскировки подлинных причин кризисных явлений муссировались ожидание мировой революции, происки внутренних и внешних врагов, корыстолюбие сельских тружеников. Кампании по подписке на государственные займы, организации бесплатного труда (субботники, воскресники), «социалистического» соревнования, борьбы с «волокитой, спекуляцией, разгильдяйством и бюрократизмом» свидетельствовали о растерянности партийных руководителей из-за невозможности реализовать на практике иллюзорные доктринальные установки учения марксизма-ленинизма [Анфертьев, 2019, с. 12].

По утверждению Н. М. Тобольцевой, пропагандируя классовую ненависть, пресса в годы «красного террора» превратилась в орудие массового устрашения, что является одной из основных ее характеристик как журналистики авторитарного режима. На страницах газет декларировалась система ограничений и запретов, при этом демонстрировалось, чем грозит их нарушение. Устрашение стало одним из средств воздействия на сознание. Таким способом культивировался в людях страх в качестве определяющего побудительного мотива поведения [Тобольцева, 2004, с. 27]. Таким образом, в качестве основного формировался пропагандистский механизм, наиболее полно отвечающий целям больше-

вистской власти и ставший одним из наиболее характерных способов воздействия в системе пропаганды при тоталитаризме.

Заключение

Способствуя развитию экономики, культуры, просвещения, северокавказская региональная пресса в 1920–1930-е годы оказалась подчиненной политизированной административно-командной системе, абсолютно лишенной самостоятельности. Перекосы особенно сильными были в идеологической сфере. Пресса создавала и навязывала аудитории выдуманную партократией картину советской действительности. Даже очевидные искажения признанной непогрешимой теории коммунизма не становились темой выступлений. Когда Центральный комитет иногда вынужден был отменять свои же неверные решения, страницы газет заполнялись дифирамбами в адрес вождей. Складывалась парадоксальная ситуация: решения принимались на самом верху, а отвечать за ошибки приходилось низшим эшелонам власти, которые вообще лишены были самостоятельности.

В публикациях замалчивалось все, что могло бросить тень на руководящую роль коммунистической партии, посеять сомнение в абсолютной правильности ее линии, хотя внутривнутрипартийная борьба шла именно среди вождей. Конечно, верх одерживали более искусные кукловоды. А журналистика ими использовалась как политический пресс и средство расправы со своими оппонентами, проводник идеологии классовой борьбы и ее обострения по мере продвижения страны к социализму.

Нужно признать, что в формировании сталинского режима печать сыграла важную роль как орудие административно-командной системы. Пресса в условиях тоталитарного режима стала средством формирования культа личности Сталина, жестким орудием осуществления административно-командного давления, средством расправы с теми, кто не выполнял указаний и директив самой печати. Массы, вырванные из привычного социального контекста, зачастую овладевшие лишь элементарной грамотностью, представляли собой благоприятную почву для восприятия официальной идеологии через централизованную пропагандистскую систему.

Между тем развязанные сталинским режимом репрессии имели более тяжелые последствия для окраин в силу того, что только родившаяся и немногочисленная национальная интеллигенция была уничтожена на корню. Местные власти в своем рвении зачастую превосходили центральные. Перегибы на местах стали постоянной составной частью советской политической культуры и как реальность, и как своеобразное «алиби» для политического руководства.

Настойчивое проведение местными СМИ авторитарной идеологии способствовало тому, что она проникала во все сферы не только экономической, но и духовной жизни горского общества. Журналистика в 1920–1930-е годы оказалась полностью подчиненной административно-командной системе и лишенной самой незначительной самостоятельности.

Анализ исследований, посвященных истории развития журналистики на Северном Кавказе в годы социалистических преобразований, содержания изданий, партийных документов, новых источников, которые не были доступны в советский период, позволяет опровергнуть сложившийся стереотип о том, что коммунистическая идеология принесла горским народам освобождение от мракобесия. Автором впервые обобщены и систематизированы результаты исследований по истории журналистики Северного Кавказа периода формирования большевистского тоталитарного режима.

Список источников

1. Авторханов А.Г. 1990. Ленин в судьбах России. Размышления историка. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-verlag. 448 с.

2. Горяева Т.М. 2009. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920-1930-х годах. Документированная история. М., РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 159 с.

3. Овсепян Р.П. 1999. История новейшей отечественной журналистики. Под ред. Я.Н. Засурского. М., Изд-во МГУ, 304 с.

4. Репрессии 30-х годов в Дагестане. 1997. Документы и материалы. Сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, Р.И. Джамбулатова. Махачкала, Изд-во «Юпитер», 528 с.

Список литературы

1. Амерханова Л.Р. 2013. Становление и развитие ингушской национальной периодической печати в первой трети XX в. Дис. ... канд. истор. наук. М., 192 с.

2. Анфертьев И.А. 2019. РКП(б)-ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть. Дис. ... докт. истор. наук. М., 789 с.

3. Ахмадулин Е. В., Станько А. И. Региональная печать Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 370 с.

4. Ахмедов Д., Камалов А. 2006. Столетие дагестанской прессы. История возникновения, становления и развития журналистики Страны гор. Махачкала, Союз журналистов РД, 252 с.

5. Бахнян К.В. 1983. Язык и идеология: социолингвистический аспект. В кн. Язык как средство идеологического воздействия. Под ред. Ф.М. Березина. М., ИНИОН АН СССР: 34–58.

6. Бекижев М.М. 1978. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917–1941 гг.). Ставрополь, Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 286 с.

7. Видяева А.В. 2014. Отражение политических репрессий 30-х гг. XX в. в периодической печати Мордовии. Дис. ... канд. филолог. наук. Саранск, 180 с.

8. Волкова Е. П. 2013. Феномен «врага народа» в советской печати конца 1920-х – первой половине 1930-х гг.: по материалам центральных партийных изданий. Дис. ... канд. филолог. наук. М., 228 с.

9. Гаджиев К.С. 1993. Фашизм и большевизм: облики тоталитаризма. В кн.: Тоталитаризм: что это такое? Сборник статей, обзоров, рефератов, переводов. Под ред. Л.Н. Верченова. Ч. 2. М., ИНИОН РАН: 156–184.

10. Гусейнова М.Ш. 2000. Становление и развитие лакской национальной прессы и ее роль в общественной, экономической и культурной жизни лакского народа, 1920–1953 гг. Дис. ... канд. историч. наук. Махачкала, 186 с.

11. Каражаева М.Б. 2003. Становление системы журналистики Северной Осетии: путь к автономии, 1917–1924 гг. Дис. ... канд. филолог. наук. Санкт-Петербург, 193 с.

12. Купина Н.А. 1995. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Под ред. Т.В. Матвеевой. Екатеринбург – Пермь, Изд-во Урал. ун-та, ЗУУНЦ, 144 с.

13. Магулаева Ф.А. 2010. Становление и развитие прессы Карачая (1918–1959). Ставрополь, Изд-во СГУ, 288 с.

14. Текеева Х.А. 2003. Национальная печать Северного Кавказа: формирование, структура, тенденции (на материалах периодики Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. 1920–1936 гг.). Дис. ... канд. филолог. наук. М., 150 с.

15. Тобольцева Н.М. 2004. Тоталитаризм и журналистика. М., Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 256 с.

16. Турпалов Л.А. 2020. Контроль над местной прессой как инструмент управления большевистского авторитарного режима в условиях Северного Кавказа (1917–1938 гг.). Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 3: 135–139.

17. Турпалов Л.А. 2015. Роль прессы в формировании системы сталинской партократии (к вопросу о публикации А. Авторханова в «Правде» об ошибках при проведении коллективизации на Северном Кавказе). Вестник Чеченского государственного университета, 4: 146–150.

18. Урусова Э. Н. 2006. Возникновение и развитие журналистики Карачаево-Черкесии: национально-культурное своеобразие (конец XIX – середина XX вв.): дис. ... канд. филолог. наук. Санкт-Петербург, 225 с.

19. Хуако З.Ю. 1991. Формирование системы печати в условиях советской автономии (на опыте партийно-советской прессы народов Северного Кавказа. 1920–1936 гг.). Дис. ... докт. историч. наук. М., 294 с.

20. Цуладзе А. 2004. СМИ в системе общественного диалога в контексте формирования установок толерантности. В кн.: Социальное насилие и толерантность: реальность и медиа-образы. URL: http://dzyalosh.ru/02-03-Vospriyatie-Ponimanie/nasilie/2_culadze.pdf (дата обращения: 31.10.2019)

References

1. Amerkhanova L.R. 2013. Stanovlenie i razvitie ingushskoy natsional'noy periodicheskoy pechati v pervoy treti KhKh v. [Formation and development of the Ingush national periodicals in the first third of the twentieth century]. Dis. ... Cand. history. sciences. M., 192 p.

2. Anfert'ev I.A. 2019. RKP(b)-VKP(b) i modernizatsiya RSFSR/SSSR v 1920–1930-e gg.: programmy preobrazovaniy i bor'ba za vlast' [RCP (b) -VKP (b) and the modernization of the RSFSR / USSR in the 1920s – 1930s: transformation programs and the struggle for power]. Dis. ... Doct. history. sciences. M., 789 p.

3. Akhmadulin E.V., Stanko A.I. 2014. Regionalnaya pechat Dona i Severnogo Kavkaza [Regional Press of the Don and North Caucasus]. Rostov-na-Donu. 370 p.

4. Akhmedov D., Kamalov A. 2006. Stoletie dagestanskoy pressy. Istoriya vzniknoveniya, stanovleniya i razvitiya zhurnalistiki Strany gor [Centenary of the Dagestan Press. The history of the origin, formation and development of journalism in the Country of mountains]. Makhachkala, Publ. Soyuz zhurnalistov RD, 252 p.

5. Bakhnyan K.V. 1983. Yazyk i ideologiya: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Language and Ideology: Sociolinguistic Aspect]. In: Yazyk kak sredstvo ideologicheskogo vozdeystviya [Language as a means of ideological influence]. Ed. F.M. Berezin. M., Publ. INION AN SSSR: 34–58.

6. Bekizhev M.M. 1978. Formirovanie sotsialisticheskoy intelligentsii u narodov Severnogo Kavkaza (1917–1941 gg.) [Formation of the socialist intelligentsia among the peoples of the North Caucasus (1917–1941)]. Stavropol', Publ. Karachaevo-Cherkesskoe otделение Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 286 p.

7. Vidyayeva A.V. 2014. Otrazhenie politicheskikh repressiy 30-kh gg. XX v. v periodicheskoy pechati Mordovii [Reflection of Political Repressions of the 30s. XX century in the periodicals of Mordovia]. Dis. ... Cand. philologist. Sciences. Saransk, 180 c.

8. Volkova E. P. 2013. Fenomen «vraga naroda» v sovetskoj pechati kontsa 1920-kh – pervoy polovine 1930-kh gg.: po materialam tsentral'nykh partiynykh izdaniy [The phenomenon of the "enemy of the people" in the Soviet press of the late 1920s – first half of the 1930s: based on materials from the central party publications]. Dis. ... Cand. philologist. sciences. M., 228 p.

9. Gadzhiev K.S. 1993. Fashizm i bol'shevizm: obliki totalitarizma [Fascism and Bolshevism: Forms of Totalitarianism]. In: Totalitarizm: chto eto takoe? Sbornik statey, obzorov, referatov, perevodov [Totalitarianism: What Is It? Collection of articles, reviews, abstracts, translations]. Ed. L. N. Verchenov. Ch. 2. M., INION RAN: 156–184.

10. Guseynova M.Sh. 2000. Stanovlenie i razvitie lakskoy natsional'noy pressy i ee rol' v obshchestvennoy, ekonomicheskoy i kul'turnoy zhizni lakskogo naroda, 1920–1953 gg. [Formation and development of the Lak national press and its role in the social, economic and cultural life of the Lak people, 1920-1953]. Dis. ... Cand. history. sciences, 186 p.

11. Karazhaeva M.B. 2003. Stanovlenie sistemy zhurnalistiki Severnoy Osetii: put' k avtonomii, 1917–1924 gg. [Formation of the journalism system in North Ossetia: the path to autonomy, 1917–1924]. Dis. ... Cand. philologist. Sciences. Sankt-Peterburg, 193 p.

12. Kupina N.A. 1995. Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Responses]. Ed. T.V. Matveeva. Ekaterinburg — Perm', Publ. Ural. un-ta, ZUUNTs, 144 p.

13. Magulaeva F.A. 2010. Stanovlenie i razvitie pressy Karachaya (1918–1959) [Formation and development of the press in Karachay (1918-1959)]. Stavropol', Publ. Izd-vo SGU, 288 p.

14. Tekeeva Kh.A. 2003. Natsional'naya pechat' Severnogo Kavkaza: formirovanie, struktura, tendentsii (na materialakh periodiki Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkessii, Osetii. 1920–1936 gg.) [National press of the North Caucasus: formation, structure, trends (based on materials from periodicals

of Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, Ossetia. 1920–1936)]. Dis. ... Cand. philologist. sciences. M., 150 p.

15. Tobol'tseva N.M. 2004. Totalitarizm i zhurnalistika [Totalitarianism and Journalism]. M., Publ. Fak. zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 256 p.

16. Turpalov L.A. 2020. Control over the local press as an instrument of control of the Bolshevik authoritarian regime in the North Caucasus (1917–1938). Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 3: 135–139 (in Russian).

17. Turpalov L.A. 2015. The role of the press in the formation of the system of the Stalinist partocracy (to the question of A. Avtorkhanov's publication in Pravda about mistakes in collectivization in the North Caucasus). Bulletin of the Chechen State University, 4: 146–150 (in Russian).

18. Urusova E.N. 2006. Vozniknoveniye i razvitiye zhurnalistiki Karachayevo-Cherkesii: natsional'no-kul'turnoye svoeobrazie (konets XIX – seredina XX vv.) [The emergence and development of journalism in Karachay-Cherkessia: national-cultural identity (end of the nineteenth – mid-twentieth centuries)]: Dis. ... cand. philologist. sciences. St. Petersburg. 225 p.

19. Khuako Z.Yu. 1991. Formirovaniye sistemy pechati v usloviyakh sovetskoy avtonomii (na opyte partiyno-sovetskoy pressy narodov Severnogo Kavkaza. 1920–1936 gg.) [Formation of the press system in the conditions of Soviet autonomy (on the experience of the party-Soviet press of the peoples of the North Caucasus. 1920–1936)]. Dis. ... Doct. history. sciences. M., 294 p.

20. Tsuladze A. 2004. SMI v sisteme obshchestvennogo dialoga v kontekste formirovaniya ustanovok tolerantnosti [Media in the system of public dialogue in the context of the formation of tolerance attitudes]. In: Sotsial'noe nasilie i tolerantnost': real'nost' i media-obrazy [Social Violence and Tolerance: Reality and Media Images.]. Available at: http://dzyalosh.ru/02-03-Vospriyatie-Ponimanie/nasilie/2_culadze.pdf (accessed: 31.10.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Турпалов Лема Абдоллаевич, ведущий научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lema A. Turpalov, Leading Researcher of the Laboratory of Historical and Ethnological Research, Kh. Ibragimov Complex Research Institute, the Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia